

МИНИАТЮРЫ ПРАВОВОГО СОДЕРЖАНИЯ ВО ФРАНЦУЗСКИХ ХРОНИКАХ XIV–XV ВВ.: МЕЖДУ ИЛЛЮСТРАЦИЕЙ И ТЕКСТОМ

Аннотация: Данная статья представляет собой развернутую рецензию на первую монографию, посвященную миниатюрам правового содержания во французских средневековых рукописях: *Morel B. Une iconographie de la répression judiciaire. Le châtiment dans l'enluminure en France du XIIIe au XVe siècle. P., 2007.* Автор статьи пытается разобраться, насколько правомерно рассматривать средневековые миниатюры исключительно как иллюстрации к тому или иному сюжету или же к собственным научным гипотезам исследователя. Анализ нескольких ключевых сюжетов, регулярно воспроизводившихся на французских миниатюрах XIV–XV вв., позволяет ей придти к выводу, что подобный подход не просто неверен: во многих случаях он ведет к ошибочным выводам, касающимся соотношения изображения и текста источника.

Ключевые слова: Франция XIV–XV вв., хроники, миниатюры, текст и изображение, историография, правовая имагология.

Об авторе: Ольга Игоревна Тогоева – доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, 119334, Москва, Ленинский пр-т, 32А. togoeva@yandex.ru

Для своей статьи я выбрала, возможно, несколько неожиданный формат, поскольку в определенной степени ее можно рассматривать как рецензию. И, хотя, рецензия эта, как и полагается, будет посвящена одной конкретной монографии, проблема, о которой мне бы хотелось поговорить на ее примере, значительно более масштабна и серьезна. Речь пойдет о соотношении изображения и текста, а точнее о том, насколько правомерно рассматривать средневековые миниатюры исключительно как *иллюстрации* к тому или иному сюжету или же к собственным научным выкладкам исследователя.

Подобную постановку вопроса можно было бы назвать совершенно несущественной, ведь любому специалисту понятно, что ни одно изображение – а особенно средневековое –

не следует «прочитывать» буквально: чаще всего его смысл на проверку оказывается значительно глубже, нежели это кажется на первый взгляд. Однако в том, что касается *правовой* иконографии, данная закономерность является очевидной далеко не для всех исследователей. Главная проблема здесь, на мой взгляд, заключается именно в том, что средневековые миниатюры и рисунки используются историками права все еще преимущественно как иллюстрации. Это касается и изображений, заимствованных из собственно юридических кодексов, и изображений к художественным произведениям (при всей условности подобного определения) или к хроникам.

Вне всякого сомнения, в данной области знаний имеются пусть и не многочисленные, но счастливые исключения. Так, на протяжении десятилетий немецкими коллегами велось исследование рукописей «Саксонского зеркала», старейшего правового кодекса, созданного на территории современной Германии. Его автор, ангальтский рыцарь и судья Эйке фон Репков, в 1221–1225 гг. свел воедино обычное право Саксонии и нескольких сопредельных земель, присовокупив к нему отдельные нормы канонического права¹. Помимо 435 рукописей, содержащих сам текст «Зеркала», до нас дошли четыре иллюминированных кодекса, в деталях изученных специалистами², которые обратили совершенно особое внимание на внутреннюю структуру этих манускриптов, где циклы миниатюр не просто иллюстрировали отдельные параграфы текста, но по сути являлись своеобразными правовыми комиксами, посвященными конкретным судебным коллизиям (*Илл. 1*)³.

¹ На русском языке см.: Саксонское зеркало. Памятник, комментарии, исследования / Отв. ред. В.М. Корецкий. М., 1985.

² В данном случае внимания заслуживают прежде всего основополагающие труды Рут Шмидт-Виганд: [19; 20; 21]. См. также: [8].

³ Отныне эти кодексы доступны исследователям в оцифрованном виде и снабжены подробнейшими тематическими указателями и гиперссылками: Die Dresdner Bilderhandschrift des Sachsenspiegels. Mscr. Dresd. M. 32: <https://digital.slub-dresden.de/werkansicht/dlf/6439/9/>; Die Heidelberger Bilderhandschrift des Sachsenspiegels: <https://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/cpg164>; Die Oldenburger Bilderhandschrift des Sachsenspiegels: <https://digital.lb-oldenburg.de/urn/urn:nbn:de:gbv:45:1-3571>; Der Wolfenbütteler Sachsenspiegel (mit Transkription und Übersetzung), Digitalisat der Handschrift der Herzog August Bibliothek: <http://www.sachsenspiegel-online.de/cms/>.

Не столь счастливо, но все же вполне благополучно сложилась и научная судьба так называемых Смитфилдских декреталий Григория IX с глоссой Бернарда Пармского⁴. Созданный по заказу Парижского университета на юге Франции (предположительно в Тулузе) около 1300–1340 гг., этот знаменитый кодекс оказался затем в Англии, где был дополнен любопытнейшей иконографической программой, включающей более шестисот маргиналий. Частично эти рисунки были посвящены правовым сюжетам (сценам вынесения приговора в суде и приведения его в исполнение), однако источником вдохновения для художника послужил в данном случае отнюдь не юридический трактат или запись местных обычаев, а художественное произведение – «Роман о Лисе»⁵ (Илл. 2). В результате многолетних споров специалисты пришли к выводу, что причиной, по которой изображения людей были заменены здесь на изображения животных, могла стать *личная* позиция миниатюриста: таким необычным способом он попытался выразить собственное недоверие к системе английского правосудия [22:347–354; 18: 9–39; 16:94]⁶. Впрочем, до сих пор, тем не менее, непроясненным остается вопрос, зачем в подобных сценах, где единственными действующими лицами вроде бы являлись различные представители фауны, регулярно возникали фигуры Девы Марии или священнослужителей (Илл. 3, 4).

Наконец, из самых недавних исследований по иконографии правовых кодексов следует, безусловно, назвать многочисленные и чрезвычайно интересные публикации Марии Алессандры Билотты (Новый университет Лиссабона). В большинстве своем они посвящены особенностям Болонской школы миниатюристов, работы которых регулярно украшали своды канонического права, а также изучению ее влияния на мастерские, располагавшиеся на сопредельных территориях – на юге Франции и на Пиренеях [9:349–359; 10:213–247]⁷.

⁴ British Library. Royal Ms. 10 E IV.

⁵ Royal Ms. 10 E IV. Fol. 48r – 49v, 53v – 57v, 59v – 65.

⁶ К сожалению, до сих пор остается неизданной докторская диссертация, специально посвященная интересующей нас теме: [11].

⁷ См. также подробнейшую библиографию, приведенную в этих статьях, и страницу автора на Academia.edu: <https://unl-pt.academia.edu/MariaAlessandraBilotta>.

Если же говорить о рукописях французского происхождения, то первой «ласточкой» в последовательном и всестороннем изучении изображений сугубо правового характера стала монография Барбары Морель, увидевшая свет в 2007 г. [17]. Ее появление можно было бы лишь приветствовать, настолько скудной до этого времени оставалась историография вопроса⁸, однако, к сожалению, подход французской исследовательницы к изучению правовой имагологии отличает тот буквалистский характер, о котором я упомянула выше.

Монография Б. Морель оказалась посвящена особенностям изображения различного рода наказаний, полагавшихся за уголовные преступления и во множестве запечатленных на страницах французских рукописей XIII–XV вв. Автором был изучен огромный корпус манускриптов (всего в списке источников приведены выходные данные 416 кодексов), из которых она отобрала и опубликовала чуть более двухсот миниатюр. Иными словами, была проделана поистине титаническая работа, и велась она практически во всех крупнейших библиотеках мира (включая российские), но прежде всего – в многочисленных столичных и муниципальных хранилищах самой Франции. Однако функция изученных Барбарой Морель изображений в тексте ее монографии за некоторыми исключениями осталась исключительно иллюстративной.

Так, уже первая глава книги, вполне логично посвященная смертной казни (как наказанию, очень быстро приобретшему в Средние века *универсальный* характер, т.е. полагавшемуся за самые разнообразные уголовные преступления) [17:37–71], сопровождается многочисленными миниатюрами соответствующего содержания. Во всех этих случаях исследовательница, как кажется, считывает только тот смысл, который лежит на поверхности: для нее они остаются всего лишь иллюстрациями различных видов казни – через повешение, сожжение живьем или отрубание головы. Тем не менее, если присмотреться к этим изображениям повнимательнее, мы можем выделить на многих из них призна-

⁸ Единственным обобщающим исследованием по проблемам правовой имагологии до публикации книги Б. Морель долгое время оставалась монография Робера Жакоба: [13].

ки значительно более интересного и глубокого замысла того или иного художника.

Именно так обстоит дело, к примеру, с рисунком, выполненным пером на одном из листов «Кутюм Бордо» – французского кодекса, созданного в 1438 г. (Илл. 5). В тексте этого памятника обычного права изображение действительно располагается на полях рядом с главкой, посвященной повешению воров⁹. Однако сам рисунок представляет собой редчайшее для французской средневековой иконографии решение. Крест в руках и череп с костями под ногами казненного преступника заставляют нас задуматься о его уподоблении Иисусу Христу – как известно, не только идеальному Судии, но и, согласно доктрине искупления Ансельма Кентерберийского, идеальному преступнику¹⁰. К сожалению, Барбара Морель не находит возможности порассуждать о таком любопытном прочтении темы смертной казни [17:40–41].

То же самое можно сказать и об уникальном изображении такого редкого в средневековой судебной практике наказания, как захоронение преступника живьем вместе с трупом его жертвы. Параграф, посвященный данному виду казни, иллюстрируется рисунком, заимствованным из кодекса «Кутюм Тулузы», составленного в 1295–1297 гг. (Илл. 6)¹¹. Однако из текста монографии совершенно невозможно узнать об истории возникновения столь странной правовой нормы в южно-французском графстве [17:85–86], хотя историкам известно о ее бытовании в соседних областях (в частности, в английской Аквитании), а также о том, что впервые она, вероятно, появилась в законодательстве Ричарда I Львиное Сердце и использовалась применительно к крестоносцам [5:106–124; 6].

⁹ Главка носит соответствующее название: «Как следует наказывать вора (*Cum diu estar punhit lo layron*)»: Paris, BNF. Ms. fr. 5361, fol. 8v.

¹⁰ Подробнее о концепции Иисуса Христа как идеального преступника и идеального Судии см.: [2:173–177; 3:274–281]. Череп и кости, изображенные неизвестным художником, могли бы, на первый взгляд, просто указывать на давнее существование виселицы в Бордо. Однако ни одно другое французское средневековое изображение казни через повешение такими деталями не отличается.

¹¹ Об иконографической программе кодекса см. подробнее: [15:133–165; 4].

Речь, таким образом, идет о практически полном игнорировании французской исследовательницей важной связи, безусловно существовавшей между изображением, текстом источника, к которому оно прилагалось, и иными текстами той же самой эпохи, способными «подсказать» историку права, в чем заключается ценность той или иной миниатюры: насколько она соответствует реалиям конкретного юридического казуса – или, напротив, насколько она оригинальна и уникальна.

Собственно, в исследовании Барбары Морель отсутствует даже понимание того простого факта, что в средневековой правовой иконографии следует различать по крайней мере две группы изображений. Первая из них – миниатюры и рисунки, происходящие из юридических текстов (это и записи обычного права, и авторские произведения – например, глоссаторов или постглоссаторов, и многочисленные копии римского права – преимущественно Дигест и Институций, и копии сводов канонического права). Ко второй же группе относятся изображения правового содержания, которые располагаются на листах кодексов, содержащих либо исторические хроники, либо художественные произведения («Роман о Лисе», «Роман о Розе», «Деяния знаменитых людей» и «Декамерон» Джованни Боккаччо и т.п.). В монографии Б. Морель подобные изображения преобладают (из 201 к ним относятся 144), и, с моей точки зрения, они заслуживают совершенно особого внимания. Эти миниатюры и рисунки «иллюстрировали» тексты, которые сами по себе не являлись правовыми, не растолковывали читателям какие-то определенные юридические или процессуальные нормы, да и сами сюжеты, связанные со сферой судопроизводства, в подобных сочинениях встречались крайне редко и отличались специфичностью.

Именно по этой причине основой своего собственного анализа я предпочла сделать те кодексы, которые содержали исторические хроники и в большинстве своем вышли из французских мастерских. Их также привлекала к работе Б. Морель, а потому я сочла для себя возможным использовать тот визуальный ряд, который воспроизводится в ее монографии, дабы читателю было проще увидеть разницу в двух исследовательских подходах.

Впрочем, я остановлюсь лишь на нескольких, наиболее ярких примерах, иллюстрирующих, в свою очередь, ряд важных проблем, которые, с моей точки зрения, интересно было бы рассмотреть на материале именно правовой средневековой иконографии.

Первая проблема, которая встает перед историком права, взявшего в руки рукопись средневековой хроники, лежит буквально на поверхности. Прежде всего он должен задуматься о том, насколько та или иная миниатюра соответствует содержанию данного конкретного источника. И если между двумя этими «текстами» имеются расхождения, то возникает следующий вопрос: чем руководствовался художник, приступая к созданию «иллюстраций» к хронике, и на какие иные источники информации он мог опираться.

Миниатюра из «Больших французских хроник», изготовленных в Париже в 1400–1405 гг., отсылает нас именно к этой проблеме (Илл. 7). На ней изображено событие, произошедшее 29 мая 1358 г. В ходе восстания Этьена Марселя два столичных королевских чиновника были приговорены к смертной казни как предатели. За дело взялся палач Парижа по имени Рауле, но во время экзекуции у него случился приступ эпилепсии, а потому головы преступникам отрубил его помощник¹².

В этой сцене для Барбары Морель интерес представляет лишь реакция публики на болезнь Рауле. Увидев, что палач упал на землю и у него изо рта пошла пена, они, очевидно, решили, что произошло чудо: Господь явил собравшимся свою волю, указав им на то, что приговоренные к смерти чиновники ни в чем не виновны [17:271–272]. Однако, эта история на интересующей нас миниатюре передана совсем не так, как она рассказана в тексте хроники: здесь палач *сам* казнит своих «подопечных», а уже затем падает с ними рядом. Таким образом, как мне представляется, исследователю прежде всего следовало задаться вопросом, *зачем* художнику понадобилось исказить письменное сообщение. Можно предположить, что он предпочел дать читателю *полный* отчет о произошедшем: поведать и о внезапном недуге Рауле, и о реакции на него окружающих, и о состоявшейся вопреки обстоятельствам казни. Иными словами, миниатюрист со-

¹² Grandes Chroniques de France. BL. Ms. Royal 20 C. VII, fol. 133v.

вместил *два* временных плана в одном изображении. И об этом его подходе к интерпретации событий (личном или обусловленном заказом) следовало хотя бы упомянуть, даже если речь шла лишь о публичном восприятии казни в Средние века.

Впрочем, буквальное следование тексту хроники также далеко не всегда оказывалось для художника совершенно безобидным. В частности, ошибку (или вольную трактовку сюжета) миниатюриста могла повлечь за собой ошибка *переписчика*, что полностью меняло для читателей ход исторических событий. Прекрасным примером здесь является история Фредегонды (545–597 гг.), наложницы, а затем супруги Хильперика I, короля франков из династии Меровингов (561–584 гг.). Ее четвертый сын Теодорих умер в 584 г., вероятно, от дизентерии, однако в его смерти королева обвинила префекта Муммола и несколько женщин, действовавших якобы по наущению дьявола. Чиновник сознался в совершенном преступлении на пытке и заявил, что получил зелье именно от ведьм. Он был сослан в Бордо, а арестованных вместе с ним женщин приговорили к колесованию и сожжению¹³.

Сцена их казни стала позднее одним из самых популярных сюжетов в иконографических программах «Больших французских хроник», однако если в большинстве кодексов она изображалась в полном соответствии с текстом (*Илл. 8*), то в некоторых из них главными персонажами оказывались... мужчины. Именно такой вариант мы можем, в частности, наблюдать в рукописи, изготовленной в 1410–1420 гг. в Париже: ошибка (или описка) переписчика всего в одном слове – *sorciers* (колдуны) вместо *sorcières* (ведьмы) – привела к тому, что жертвами королевы Фредегонды на миниатюре были представлены совершенно другие люди (*Илл. 9*). Именно этому интересному повороту сюжета следовало, на мой взгляд, уделить внимание в данном случае вместо того, чтобы использовать данные миниатюры всего лишь в качестве иллюстраций к разделу о наказаниях женщин, как это делает Барбара Морель [17:66, 237–238].

¹³ Григорий Турский. История франков / Изд. подг. В.Д. Савукова. М., 1987. С. 180.

Более сложный вариант взаимодействия текста, миниатюры и реальности мы можем наблюдать в интерпретации истории Герберта II де Вермандуа. В 923 г. этот мятежный граф захватил в плен Карла III Простоватого (898–922 гг.), правителя Западно-Франкского королевства из династии Каролингов. Через семь лет король скончался в плену, за что его сын и наследник Людовик IV Заморский (936–954 гг.), согласно сообщению «Больших французских хроник», вздернул Герберта на виселице¹⁴. Именно так конец этой печальной истории оказался представлен на миниатюрах, имеющих в нашем распоряжении (*Илл. 10*). Однако из других источников мы знаем, что в действительности граф де Вермандуа умер собственной смертью в 943 г. [14:292–293].

Для Барбары Морель миниатюра, изображающая казнь Герберта, представляет интерес только как еще одна иллюстрация к главке о повешении: она необходима ей, дабы порассуждать о возможности применения подобного наказания к представителям знати [17:45]. На мой взгляд, следовало бы в данном случае задуматься о том, *почему* история графа де Вермандуа оказалась представлена и в тексте, и в иконографии «Больших французских хроник» неверно. Можно, конечно, предположить, что и переписчикам, и миниатюристам XIV–XV вв. события далекого X столетия не были известны досконально. Но, во-первых, альтернативная версия сложных взаимоотношений Карла III, Герберта II де Вермандуа и Людовика IV возникла уже на рубеже X–XI вв. в «Истории» Рауля Глабера [14:292]. А во-вторых, эта история являлась слишком заметной, чтобы забыть ее детали: ведь речь шла не просто о правителе королевства, но о покушении на его жизнь. В позднее Средневековье данное преступление уже прочно вошло в категорию особо тяжких правонарушений, так называемых королевских дел [12:342–345], о чем, в частности, свидетельствовало регулярное присутствие самого государя на миниатюрах.

Данная проблема – наличие или отсутствие правителя в сценах приведения приговора в исполнение – и сама по себе заслуживает особого, с моей точки зрения, внимания. Правителем при этом мог являться и король, и королева, и владетельный сеньор

¹⁴ Grandes Chroniques de France. Toulouse. BM. Ms. 512, fol. 166v.

более низкого ранга, однако в любом случае именно с его персонаж связан тот юридический казус, который иллюстрировала миниатюра в хронике. Именно такой подход демонстрируют авторы рассказов о суде Фредегонды или о несправедливой судьбе Герберта II де Вермандуа.

То же самое можно сказать и об изображении сцены казни в 1115 г. сообщников Тома де Марля за убийство в 1112 г. Годри, епископа Лана (Илл. 11). Барбару Морель интересует в данном случае только тот факт, что на миниатюре представлена знаменитая виселица на Монфоконе – место многочисленных публичных казней в предместьях Парижа [17:214–215]. Присутствие короля на первом плане не привлекает ее внимания, хотя перед нами вновь отсылка к *особому* статусу и обвиняемых, и их жертвы. Речь идет о преступлении против высокопоставленного французского прелата, что, вне всякого сомнения, непосредственно затрагивало интересы короля и переводило данное дело в разряд особо тяжких¹⁵.

Схожий юридический казус представляла собой и казнь трех фламандцев Ангерраном де Куси в 1259 г. (Илл. 12). Барбару Морель вновь привлекает здесь лишь конфигурация виселицы [17:219], однако значительно интереснее, с моей точки зрения, фигура самого сеньора, вершащего правосудие. Его присутствие на миниатюре указывает прежде всего на наличие у него права *высшей* юрисдикции: он – как и король – может приговорить к смерти, и художник всячески этот факт подчеркивает¹⁶.

¹⁵ Жители Лана долгое время пытались убедить Годри уступить им права на управление коммуной и предлагали выкупить их за значительную денежную сумму. В отсутствие епископа соглашение о передаче прав было заключено между его представителями и горожанами, и Годри его поддержал. Однако затем он уговорил Людовика VI Толстого (1108–1137 гг.) отменить выданную было хартию и заплатил королю за это решение сумму, значительно превышавшую ту, что предлагали ему ланцы. Результатом тайных переговоров стало восстание горожан и гибель епископа. Тома де Марль предоставил убежище в своих землях его убийцам, чем навлек на себя гнев Людовика VI. События эти подробно описал в своей «Автобиографии» Гвиберт Ножанский: *Guibert de Nogent. Autobiographie* / Ed. et trad. par E.-R. Labande. P., 1981. P. 337–345.

¹⁶ Любопытно при этом, что в данном случае речь в действительности шла о превышении судебных полномочий. Смертный приговор, согласно собственно тексту «Больших французских хроник», был выне-

Не менее показательны и те миниатюры к «Большим французским хроникам», где наличие правителя, казалось бы, вновь должно подчеркнуть значимость происходящего, хотя его присутствие не подтверждается иными письменными источниками. Таковы, к примеру, миниатюры, относящиеся к процессу тамплиеров. Практически на всех из них мы найдем фигуру Филиппа IV Красивого (1285–1314 гг.), явившегося инициатором этого знаменитого расследования (*Илл. 13*). Однако нам доподлинно известно, что сам король не принимал участия во всех без исключения казнях членов ордена и уж тем более не присутствовал он при казни главы тамплиеров Жака де Моле: от имени государя на этом процессе действовал его верный советник Гийом де Ногаре (*Илл. 14*) [1:425–427].

Не можем мы с определенностью судить и о том, принимал ли Хлотарь II (584–629 гг.) личное участие в процессе Брунгильды (ум. 613 г.), супруги Сигиберта I (561–575 гг.), а также посетил ли он место ее казни: о подобных деталях источники, к сожалению, умалчивают. Тем не менее, на большинстве миниатюр, рисующих нам данную сцену, мы видим, как правитель франков наблюдает за экзекуцией (*Илл. 15*). И это вполне оправданно, ведь речь шла о преступлении, непосредственно затрагивавшем его интересы: женщину обвинили в убийстве десяти членов королевской семьи¹⁷.

сен фламандцам несправедливо. Однако на это обстоятельство на миниатюре нет ни единого намека, что вновь заставляет нас вспомнить о проблеме соотношения текста и прилагающегося к нему (вроде бы) изображения.

¹⁷ «Король Хлотарь собрал войско пошел в Бургундию и, под предлогом желания взять ее в жены, просил Брунгильду мирно явиться к нему. Она нарядилась с королевской роскошью и прибыла в крепость Ренев, [находящуюся] на одноименной реке. Едва увидав ее, вскричал он: “Ты, богопротивная, зачем сотворила ты столько бед; и как посмела ты практически уничтожить столь большой королевский род?”. Тут объединились оба войска: бургундов и франков и под крики их всех, что Брунгильда заслужила позорнейшую смерть, приказал король Хлотарь посадить ее на верблюда и возить так по всему войску, затем привязали ее к ногам диких коней; и разорвались ее члены и она умерла. В конце концов огонь стал местом ее погребения и сожжены были ее останки» (*Das Buch von der Geschichte der Franken // Quellen zur Geschichte des 7. und 8. Jahrhunderts. Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des*

История гибели Брунгильды, запечатленная на средневековых миниатюрах, представляет собой прекрасную иллюстрацию еще одной проблемы в изучении правовой иконографии – проблемы отношения к преступнику со стороны самих художников. В рукописи «Больших французских хроник», созданной около 1415 г., мы обнаруживаем достаточно мягкий вариант наказания: тело королевы не разорвано на части, она привязана только за руки к коню, которого всадник заставляет идти шагом (*Илл. 15*). Однако в более ранних копиях тех же самых хроник эта сцена дана иначе. Например, в кодексе 1335–1345 гг. художник явно пытался изобразить лошадь, скачущую галопом (*Илл. 16*). А в рукописи 1370 г. та же миниатюра и вовсе не соответствует никаким письменным источникам и чрезвычайно жестока по своему содержанию. Более того, на ней представлено наказание, которое никогда не использовалось во французском средневековом суде – затапывание преступника всадниками (*Илл. 17*). К сожалению, мы не можем сказать наверняка, являлись ли данные интерпретации знаменитого сюжета личной инициативой иллюминаторов или их заказчиков, но сам факт различного изображения одной и той же сцены определенно заслуживает внимания.

К вопросу о различном отношении к преступнику логично примыкает проблема столь же различного понимания средневековыми художниками самого правонарушения. Так, на уже упоминавшейся выше миниатюре с изображением казни графа де Вермандуа (*Илл. 10*) мы отчетливо видим, что руки преступника связаны *спереди*. Данное обстоятельство в подавляющем числе случаев указывает на то, что человека осудили на смерть за убийство¹⁸. То же самое решение мы наблюдаем, к примеру, на изображении казни убийц Карла Доброго, графа Фландрского и племянника французского короля Людовика VI Толстого, в 1127 г. (*Илл. 18*) [17:45–46]. Однако на миниатюре, иллюстрирующей сообщение о повешении в 1315 г. Ангеррана де Мариньи, мы обнаруживаем преступника с руками, связанными *за спиной*

Mittelalters. Bd. 4a. Darmstadt, 1982; русский перевод: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Gesta_Fr/frametext.htm).

¹⁸ Данная особенность средневековой правовой иконографии все еще нуждается в отдельном исследовании. См., тем не менее: [3 :234–235].

(Илл. 19). Письменные источники сообщают, что советник Филиппа IV Красивого впал в немилость у следующего французского правителя – Людовика X Сварливого (1314–1316 гг.), а также у его всесильного дяди Карла де Валуа. Согласно «Большим французским хроникам», против казначея покойного короля было выдвинуто 41 обвинение, главным из которых являлось казнокрадство. Именно этот состав преступления и оказался запечатлен в кодексе 1400–1401 гг.: связанные за спиной руки обычно изображали именно у воров¹⁹. Иными словами, читатель хроники, даже не заглядывая в текст, мог практически с полной уверенностью судить о том, в каком именно правонарушении обвинялся тот или иной персонаж французской истории, изображенный на конкретной миниатюре. Мог об этом догадываться, очевидно, и тот, кто в принципе не был обучен грамоте.

Однако, как мы уже видели на примере сцены казни королевы Брунгильды, разные художники могли по-своему интерпретировать события прошлого. Это становится особенно заметно в тех случаях, когда речь шла о *многосоставном* преступлении, т.е. о тех делах, когда против одного и того же человека выдвигалось сразу несколько обвинений и все они (или их большая часть) оказывались записаны в тексте окончательного приговора. Именно такой случай представлял собой казус Ангеррана де Мариньи, которого – помимо казнокрадства – судили также за занятия колдовством с целью наведения порчи на короля. Это обвинение и привело в результате де Мариньи на виселицу [7:283–304]. Оно же оказалось главным для художника, около 1384 г. работавшего над «Цветочками хроник» Бернара Ги. На миниатюре, изображающей казнь советника Филиппа IV, ясно видно, что его руки вновь связаны *спереди*, как и полагалось поступать с убийцами (Илл. 20)²⁰.

¹⁹ В монографии Б. Морель данная миниатюра располагается все в той же главе о повешении, и на положение рук у преступников французская исследовательница не обращает никакого внимания: [17:46–47].

²⁰ Для Б. Морель данная миниатюра являлась всего лишь иллюстрацией средневекового обычая, согласно которому преступника, приговоренного к смертной казни, должны были протащить волоком по улицам города до самой виселицы или эшафота: [17:52].

К каким более или менее предварительным выводам позволяет прийти этот беглый анализ? Как мне представляется, для Барбары Морель миниатюры правового содержания сами по себе не являлись источником необходимой для ее исследования информации, хотя эта последняя, как я попыталась продемонстрировать на нескольких, наиболее ярких примерах, лежала буквально на поверхности. Слепое следование за изображением в полном отрыве от письменных источников (в том числе, и от текста собственно хроники, к которому та или иная конкретная миниатюра прилагалась) привело к тому, что работа французской исследовательницы оказалась в очень малой степени проблематизирована. Читатели получили в свое распоряжение не исследование *представлений* людей Средневековья (прежде всего, миниатюристов и их заказчиков) о современной им системе судопроизводства, но, скорее, перечень различных типов наказаний, принятых на вооружение в соответствующую эпоху, с их описаниями, заимствованными из текстов и иконографии.

Однако в миниатюрах, если дать себе труд повнимательнее к ним присмотреться, в действительности кроется значительно больше как вопросов, так и ответов на них, связанных с историей средневекового права и – главное – правосознания, нежели может показаться на первый взгляд. Нужно лишь научиться правильно их задавать...

Литература

1. Барбер М. Процесс тамплиеров / пер. И.А. Тогоевой. М.: Алетейя; Энигма, 1998.
2. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Издательство Московского Университета, 1994.
3. Тогоева О.И. «Истинная правда». Языки средневекового правосудия. М.: Наука, 2006.
4. Тогоева О.И. Между текстом и миниатюрой: наказание фальшивомонетчиков в «Кутюмах Тулузы» (BNF. Ms. lat. 9187) // ЭНОЖ «История». 2017. Вып. 6 (60). Т. 8: <http://history.jes.su/s207987840001890-8-1>
5. Тогоева О.И. Римское уголовное право в «Кутюмах Тулузы» (BNF. Ms. lat. 9187): воспоминание о прошлом или попытка ко-

дификации? // Феномен унификации в истории / Отв. ред. Е.Н. Кириллова. М.: ИВИ РАН, 2019. С. 106–124.

6. *Тогоева О.И.* То, что мертво, умереть не может? Самоубийцы и похороненные заживо в уголовных судах средневековой Франции // Одиссей. Человек в истории – 2021 (в печати).

7. *Фавье Ж.* Ангерран де Мариньи. Советник Филиппа IV Красивого / Пер. А.В. Лентовской. СПб.: Евразия, 2003.

8. *Alles was Recht war. Rechtsliteratur und literarisches Recht. Festschrift für Ruth Schmidt-Wiegand zum 70. Geburtstag* / Hrsg. von H. Höfinghoff, W. Peters, W. Schild und T. Sodmann. Essen: Item-Verlag Reichart, 1996.

9. *Bilotta M.A.* Images dans les marges des manuscrits toulousains de la première moitié du XIVe siècle: un monde imaginé entre invention et réalité // *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen Age*. 2009. T. 121 (2). P. 349–359.

10. *Bilotta M.A.* Coesistenza e cooperazione nel Sud della Francia fra XIII-e – XIV secolo: il caso di alcuni manoscritti giuridici miniati ad Avignone // *Coexistence et cooperation in the Middle Ages* / A cura di A. Musco e G. Musotto. Palermo: Officina di Studi Medievali, 2014. P. 213–247.

11. *Bovey A.* Didactic Distractions Framing the Law: British Library Royal Ms. 10 E IV (University of London, Courtauld Institute, 2000).

12. *Carbasse J.-M.* Histoire du droit pénal et de la justice criminelle. P.: Presses Universitaires de France, 2014.

13. *Jacob R.* Images de la justice. Essai sur l'iconographie judiciaire du Moyen Age à l'âge classique. P.: Léopard d'or, 1994.

14. *Lauer P.* Le règne de Louis IV d'Outre-mer. P.: É. Bouillon, 1900.

15. *L'Engle S.* Justice in the Margins: Punishment in Medieval Toulouse // *Viator*. 2002. T. 33. P. 133–165.

16. *L'Engle S., Gibbs R.* Illuminating the Law: Legal Manuscripts in Cambridge Collections. L.: Harvey Miller Publishers, 2001.

17. *Morel B.* Une iconographie de la répression judiciaire. Le châtimement dans l'enluminure en France du XIIIe au XVe siècle. P.: Editions du CTHS, 2007.

18. *Schmidt G.* “Belehrender” und “befreinder” Humor: Ein Versuch über die Funktionen des Komischen in der bildenden Kunst des Mittelalters // *Worüber Lacht das Publikum im Theater? Spass und betroffenheit Einst und Heute*. Festschrift zum 90. Geburtstag von Heinz Kindermann / Hrsg. von M. Dietrich. Wien: Böhlau, 1984. S. 9–39.

19. Schmidt-Wiegand R. Die Wolfenbütteler Bilderhandschrift des Sachsenspiegels. Aufsätze und Untersuchungen. Kommentarband zur Faksimile-Ausgabe. Berlin: Akademie-Verlag, 1993.
20. Schmidt-Wiegand R. Die Oldenburger Bilderhandschrift des Sachsenspiegels. Berlin: Kulturstiftung der Länder, 1993.
21. Schmidt-Wiegand R. Handwörterbuch zur deutschen Rechtsgeschichte. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2008.
22. Varty K. Reynard the Fox and the Smithfield Decretals // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1963. T. 26. P. 347–354.

Приложение

Илл. 1: «Саксонское зеркало». Кодекс из Вольфенбюттеля.
 Wolfenbüttel, Herzog August Bibl., Cod. 3.1 Aug. 2, fol. 74.

Илл. 2: Смитфилдские декреталии Григория IX.
BL. Royal Ms. 10 E IV, fol. 48v.

Илл. 3: Смитфилдские декреталии Григория IX.
BL. Royal Ms. 10 E IV, fol. 64.

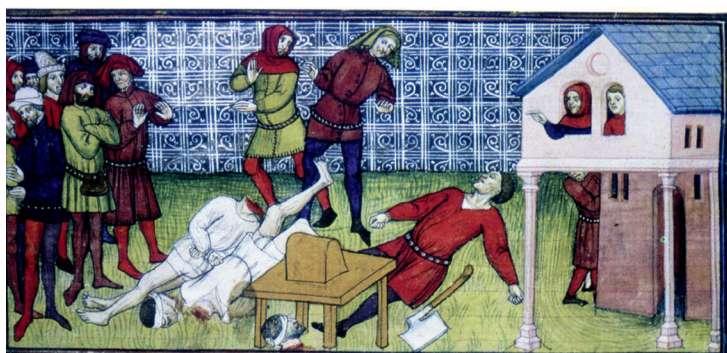
Илл. 4: Смитфилдские декреталии Григория IX.
BL. Royal Ms. 10 E IV, fol. 53v.

Илл. 5: Казнь через повешение.
Coutumes de Bordeaux. BNF. Ms. fr. 5361, fol. 8v.

Илл. 6: Захоронение преступника живьем.
Coutumes de Toulouse. BNF. Ms. lat. 9187, fol. 23v.

Илл. 7: Болезнь палача Рауле.
Grandes Chroniques de France. BL. Ms. Royal 20 C. VII, fol. 133v

Илл. 8: Королева Фредегонда и ведьмы.
Grandes Chroniques de France. BNF. Ms. fr. 2610, fol. 48v.

Илл. 9: Королева Фредегонда и колдуны.
Grandes Chroniques de France. BL. Ms. Sloane 2433. Vol. A, fol. 44v.

Илл. 10: Казнь графа Герберта II де Вермандуа.
Grandes Chroniques de France. Toulouse. BM. Ms. 512, fol. 166v.

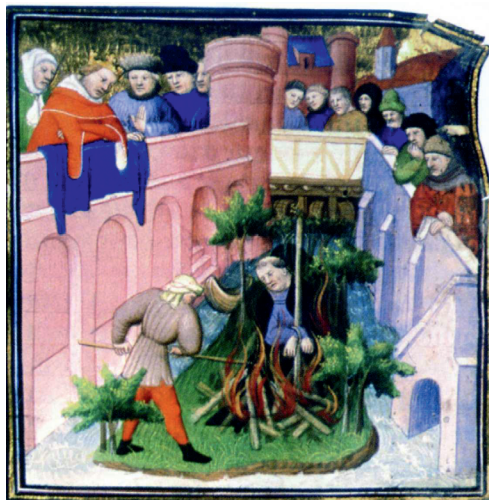
Илл. 11: Казнь сообщников Тома де Марля.
Grandes Chroniques de France. BL. Ms. Royal 20.E.III, fol. 28.

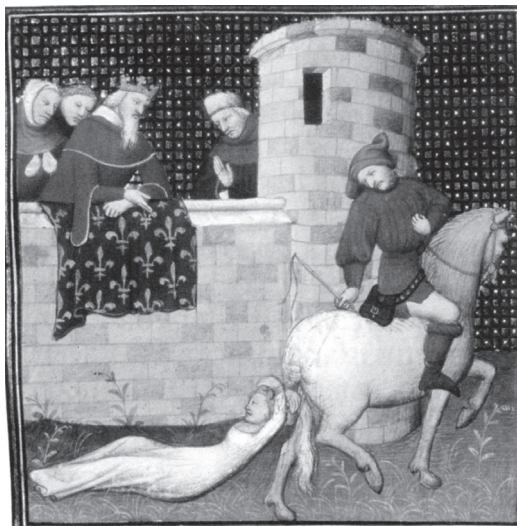
Илл. 12: Казнь трех фламандцев.
Grandes Chroniques de France. BNF. Ms. fr. 20350, fol. 323v.

Илл. 13: Казнь тамплиеров.
Grandes Chroniques de France. BL. Ms. Sloane 2433. T. 3, fol. 18v.

Илл. 14: Казнь Жака де Моле.
Grandes Chroniques de France. BL. Ms. Cotton Nero E.II, fol. 105.

Илл. 15: Казнь Брунгильды.
Grandes Chroniques de France. BL. Ms. Cotton Nero E.II, fol. 64v.

Илл. 16: Казнь Брунгильды.
Grandes Chroniques de France. BL. Ms. Royal 16.G.VI, fol. 87.

Илл. 17: Казнь Брунгильды.
Grandes Chroniques de France. BNF. Ms. fr: 10135, fol. 74.

Илл. 18: Казнь убийц графа Фландрского.
Grandes Chroniques de France. BL. Ms. Royal 16.G.VI, fol. 306.

Илл. 19: Казнь Ангеррана де Мариньи.
Grandes Chroniques de France. BNF. Ms. fr. 2606, fol. 361v.

Илл. 20: Казнь Ангеррана де Мариньи.
Fleurs de chroniques. Besançon. BM, Ms. 677, fol. 76.